

Н.Д. НИКАНДРОВ,
Президент Российской академии образования

Православные ценности и воспитание в современной России

Последние несколько лет экономика России развивается динамично и успешно. Конечно, так называемые макроэкономические показатели не отражаются автоматически на бюджете каждой российской семьи. Президент страны не раз говорил о том, что проблема бедности продолжает оставаться серьезной, что недопустимо велик разрыв в уровне доходов, низка продолжительность жизни. И все же, по признанию и наших, и зарубежных специалистов, прогресс в экономике вполне реален, есть положительные сдвиги и в демографии.

Не может не радовать и то, что Россия перестала сдавать позиции во внешней политике, что она возвращает себе статус самостоятельной и великой державы. В этом несомненна и огромная личная роль Президента страны В.В. Путина. Можно назвать и другие положительные изменения самых последних лет (План Путина, 2007).

Вместе с тем социологические исследования, проведенные РАН и имевшие целью определить отношение граждан России к реформам девяностых годов, к современной жизни, дают вполне определенные и, в общем, предсказуемые результаты. Мы гордимся тем, что было достаточно давно: победой в Великой Отечественной войне, быстрым восстановлением хозяйства и культурного достояния страны после войны, нашей великой культурой, достижениями прошлых лет в науке.

Мы стыдимся эпохи «лихих девяностых» больше, чем любой другой эпохи в сложной истории нашей Родины. И дело здесь не только в экономике. Не меньшие, а в некотором отношении большие потери страна понесла в нравственной, духовной области.

Это испытывали на себе все страны в переходные периоды, когда одна система ценностей либо сама исчерпала себя, либо насильственно

уничтожалась, а другая еще не сформировалась. И чем быстрее и жестче такие изменения вводились, тем больше ощущались потери в области общественной нравственности.

Россия испытала это в полной мере. По сути дела, была сделана попытка быстро и жестко не только ввести рыночные реформы в экономику, что давно назрело, но и положить их в основу всего народного бытия. А это несет с собою риски, которые

признавали самые успешные рыночники, как, например, Джордж Сорос. И эти риски привели к тому, что наша страна почувствовала уже в середине девяностых годов — рост преступности, особенно насильственной и корыстной, сокращение продолжительности жизни, падение общего уровня культуры и морали, уменьше-

**«Образование без воспитания
есть дело ложное и опасное.
Оно создает чаще всего
людей полубразованных,
самомнительных и
заносчивых, тщеславных
спорщиков, напористых и
беззастенчивых
карьеристов; оно вооружает
противодуховные силы; оно
развязывает и поощряет в
человеке «волка».**

И.А. Ильин

ние интереса к получению систематического образования. То, что дело было не только в экономике, получило очень важное отражение в серьезном, хотя внешне мало заметном неспециалисту изменении определения понятия образования в соответствующем законе.

Если в первом варианте (1992 год) говорилось, что образование — это обучение и воспитание, то во втором варианте (1996 год) сказано, что образование есть воспитание и обучение. Здесь перемена мест слагаемых означала определенную смену приоритетов. Смену важную и нужную, хотя сама идея, конечно же, не нова. Очень хорошо ее выразил И.А.Ильин. Он писал, что «образование без воспитания есть дело ложное и опасное. Оно создает чаще всего людей полубразованных, самомнительных и заносчивых, тщеславных спорщиков, напорис-

тых и беззастенчивых карьеристов; оно вооружает противодуховные силы; оно развязывает и поощряет в человеке «волка»» (Ильин, 1993, С. 309).

Но воспитание — это всегда воспитание ценностей, воспитание отношения человека к миру, к себе, к другим, к Богу. И обращение к понятию общечеловеческих ценностей, которое сейчас так часто употребляется, далеко не решает всех, даже главных проблем. Во-первых, потому, что слишком часто это понятие используется во вполне корыстных целях: скрытно подменить им ценности свои собственные, выдав их за общечеловеческие. Например, исходя из того, что западные, особенно американские, ценности есть всеобщий образец, многократно делались попытки именно их выдать за общечеловеческие. Но С. Хантингтон, сам американец, проведя анализ ста сравнительных исследований о ценностях в различных странах, заключил, что западные ценности имеют самый низкий статус во всем остальном мире (Huntington, 1993). А другой американец, Дж. Гасфилд, сорок лет назад заинтересовавшись проблемой «японского чуда», показал, что **опора на устоявшиеся, традиционные ценности цементирует страну, придает ей силы и отнюдь не мешает использовать новые достижения, которые прямо с ценностями совсем не связаны** (Gusfield, 1967).

Кроме того, общечеловеческие ценности — все же достаточно абстрактное понятие, в то время как отношения к миру, к своей стране, к природе, к ближним формируются в гораздо более нежном возрасте, чем тот, когда доступны такие абстракции. И, думая о том, что же положить в основу воспитания, нельзя не прийти к выводу, что искать эти ценности надо не где-то на стороне, а в истории нашей Родины, в истории тысячелетней православной России. Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», которому в прошлом году исполнилось десять лет, лишь закрепил это понимание, утверждая «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры».

Это никак не умаляет прав тех наших граждан, которые не относят себя к православным. Достаточно привести один, очень давний пример, который хорошо показывает высоту души

наших духовных учителей, их вселенскую доброту, их понимание, что помощи, поддержки, когда нужно — жалости и сострадания заслуживают все. Феодосий Печерский еще в XI веке пи-

сал в одном из своих посланий: «Милостынею же милуй не только свою веру, но и чужую: аще же видишь нагого, голодного, зимою ли, бедою одержима, аще то будет жидовин ли, сорочин ли, болгарин ли, еретик ли, латинин ли, от поганых ли — всякого помилуй, и от беды избави, яко же можеш» (цит. по: Дьякова, 1994, с.117). И анализ других исторических, традиционных для России религий показывает, что в основных нравственных требованиях и запретах они близки. Лишь в

спекулятивных целях можно играть на каких-то мнимых этнических и религиозных противоречиях, что, к сожалению, все-таки иногда делается.

То, что в воспитании надо прежде всего помнить о ценностях своей страны, своего народа,

«Милостынею же милуй не только свою веру, но и чужую: аще же видишь нагого, голодного, зимою ли, бедою одержима, аще то будет жидовин ли, сорочин ли, болгарин ли, еретик ли, латинин ли, от поганых ли — всякого помилуй, и от беды избави, яко же можеш».
Феодосий ПЕЧЕРСКИЙ

своего языка и своей культуры, утверждается и в международных документах, подписанных Россией. Так, в Конвенции о правах ребенка (статья 29) говорится, что «образование... должно быть направлено на... воспитание уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от его собственной». Конвенции всего несколько лет, русскому православию — больше тысячи. И выраженная в других словах эта мысль проводится им в жизнь все тысячелетие.

И если, например, великий русский педагог К.Д. Ушинский считал нехристианскую педагогику вещью немислимой, безголовым уродом, то у его современника — атеиста, создателя идеологии сверхчеловека Ф. Ницше мы находим такое: «Пусть гибнут слабые и уродливые — первая заповедь нашего человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть. Что вреднее любого порока? Сострадать слабым и калекам — христианство» (Ницше, 1990, с. 4). Как эта идеология реализовывалась фашизмом в 30—40-х годах прошлого века, мы знаем хорошо.

В 90-е годы у нас тоже делались попытки предать забвению русские православные ценности, положить в основу всех реформ ценности Запада. Да такое бывало и много раньше. Еще во времена Первой мировой войны министр просвещения России граф П.Н. Игнатьев на заседании Государственной думы говорил, что «отрицательное отношение ко всему русскому... в течение двух столетий внедрялось в сознание русского интеллигентного человека, в котором с первых дней его существования всеми способами вырабатывалось постепенное убеждение в том, что все чужое, иностранное достойно подражания и изучения... Естественные и роковые последствия такого воспитания выразились в отсутствии веры в собственные силы, обидно пренебрежительное отношение к русскому языку, русской природе, русской культуре... и недостаточно развитом чувстве патриотизма» (Цит. по: Образование: идеалы..., 1995, с.174).

Но это все теперь — история. Современность ставит перед нами также немало нравственных, воспитательных проблем, и их решение облегчается, если мы в основу таких решений положим ценности нашей православной культуры. Какие это ценности?

Это ценности честного труда, труда на благо своей страны, своей семьи, да и на свое собственное благо. «Если кто не хочет трудиться, тот и не ест», — сказано в Новом Завете (2 Фессал. 3, 10). Причем если мы возьмем православный катехизис, то увидим, что имеется в виду труд и физический, и умственный, духовный труд. Я цитирую: «Телесный труд необходим для человека. Первым людям еще в раю заповедано было возделывать и хранить его...

Составляя необходимое условие жизни, телесный труд развивает и укрепляет тело... и сообщает ему естественную красоту. Напротив, держание тела в покое, сонливость, нега не только разстроивают здоровье человека, но расслабляют и душевные его силы» (Смирнов, 1892, с. 78). И, конечно, христианство не считает грехом обладание собственностью, богатством и приобретение их честным трудом. Толкуя соответствующие слова Священного Писания, автор того же катехизиса пишет: «Что приобретено честным свободным трудом, то составляет неотъемлемую награду потрудившегося... Право собственности побуждает в человеке энергию, трудолюбие, уважение к трудам других и составляет необходимое условие общественного благоустройства» (там же, с. 62). А дальше подробно разбирается все то, что является нарушением заповедей: воровство и грабительство, обман, мздоимство, туеядство, лихоимство. Вместе с тем вера предписывает тем, кто обладает многим, помогать ближнему, средством чего является благотворительность.

Современному человеку может показаться довольно любопытным, как при этом в православном катехизисе, написанном задолго до строительства социализма в нашей стране, разграничиваются социалистические идеи и христианская благотворительность. Еще раз цитирую: «...христианская благотворительность совершенно свободна в своих действиях и руководствуется единственно духом любви, социализм же требует насильственного от-

нятия у богатых их имущества для раздела между всеми... И конец той и другого различен до противоположности: христианская благотворительность хотя и не может совсем уничтожить бедности, в значительной мере однако же облегчает ее; социализм, если бы дать ему безнаказанно распространяться, привел бы к поголовной бедности, ибо многие ли стали бы трудиться, зная, что завтра у них отнимут их приобретение, а при общем дележе достанется доля и им, хотя бы они и не трудились» (там же, с. 64).

В России всегда было немало богатых людей — но никогда не было проповеди богатства; так учила Церковь. То, что мы имеем ее сейчас в са-

«Телесный труд необходим для человека. Первым людям еще в раю заповедано было возделывать и хранить его... Составляя необходимое условие жизни, телесный труд развивает и укрепляет тело... и сообщает ему естественную красоту. Напротив, держание тела в покое, сонливость, нега не только разстроивают здоровье человека, но расслабляют и душевные его силы».
(СМИРНОВ, 1892, с.78).

мых разных, иногда довольно неприглядных формах, — продукт зарубежного производства, причем залежалый продукт, поскольку за рубежом стараются это делать гораздо более мягко, чем у нас.

Сейчас, когда так много говорится о воспитании цивилизованного собственника, эти слова звучат так же актуально, как и более ста лет назад — именно тогда издан процитированный мною катехизис. Причем, как было хорошо показано нашими православными писателями и философами, законы и запреты при всей их несомненной важности не решают полностью тех проблем, которые решаются только воспитанием в духе высоких традиций православия. Иначе нарушается все, чего требует православное отношение к труду и богатству. Опора только на расчет, индивидуализм, конкуренцию, приобретательство, которая проповедуется с самых высоких трибун и в средствах массовой информации в последние годы, уже доказала свою разрушительность и бесперспективность. Все начинается с человека, с его воспитания, его внутреннего мира. И.А. Ильин писал, что «жадный пустит в ход все средства, продажный все продаст, человек, в коем Бога нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление. Внешнее (т.е. внешний контроль, законы и кодексы — *Н.Н.*) само по себе не обеспечит человеку ни духовности, ни духовного спасения. Никакой государственный строй не сообщит человеку ни любви, ни доброты, ни чувства ответственности, ни благородства» (Ильин, 1992, с. 40).

Без соревнования, конкуренции и их естественной основы — индивидуализма — полностью, конечно, в современной жизни обойтись невозможно. Но русская православная культура, тысячелетняя практика русской православной жизни может смягчить эти суровые реалии. В России, в православной России, сложилась традиция широко понимаемой соборности, взаимопомощи, коллективности. Между прочим, на протестантско-католическом Западе, напротив, расцвела конкуренция, иногда жестокая, и в последние годы рыночных реформ мы заимствовали ее не в лучшем варианте. Эта соборность в атеистические времена, даже когда самое слово было практически забыто, сохранялась у нас как часть духа народного и помогла ему отстоять свою независимость, в то время как почти вся протестантско-католическая Европа не смогла противостоять фашизму. Хочу привести в этой связи цитату из одного школьного учебного пособия: «В Европе получали развитие городские, буржуазные ценности, а

в России — общинные, коллективистские. Европейец решал свои проблемы, развивая расчетливость и своекорыстие, а русский — утверждая уравниательные коллективистские начала» (И.Н. Ионов, 1995, с. 14). «Коллективизм был основой душевности отношений между людьми, безоглядных проявлений благородства, широты души русского человека» (там же, с. 13).

Почти каждый новый общественный строй так или иначе ставил вопрос о воспитании человека, возник и педагогический термин «новый человек». В 90-е годы были попытки, развенчивая социалистические ценности, подвергнуть осмеянию и идею воспитания нового человека. Напрасно! По сути, эту идею мы находим в Новом Завете. В послании апостола Павла к Колоссянам говорится: «А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлёкшись ветхого человека с делами его и облёкшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3, 8—11). По сути, все христианское учение, а для россиян — прежде всего учение Русской Православной Церкви — и есть цель воспитания нового человека в этом глубоком христианском смысле. А в нем, в этом новом человеке есть и вечное, вневременное, есть и то, что непосредственно связано с современностью.

Воспитание начинается с семьи. И здесь христианская, православная традиция является для нас естественной опорой. Православие всегда поддерживало идею и практику дружной многодетной семьи. Кстати, в прошлом году это очень хорошо показала в своей дипломной работе молодая студентка Московского педагогического университета, сама в 22 года мать троих детей. Она проследила, проследила очень умело и бережно, как развивали учение о христианской семье ранние учителя Церкви, начиная с первых веков христианства. И, конечно, контрастом с этим учением, с требованием чтить родителей являются имевшие место в нашей истории попытки предать эти ценности забвению или даже противопоставить им обратные ценности. Вот пример.

В начале 20-х годов психоневролог А.Б. Залкинд, человек, несомненно, талантливый, развивал основы педологии, т.е., как тогда понимали этот термин, целостного учения о человеке. Но в других его книгах с показательными названиями: «Очерки культуры революционного времени» (1924), «Революция и молодежь» (1925)

он пытается полностью, революционным путем сменить моральные устои общества, разрушив, в частности, и религиозные заповеди. В книгах говорится о том, что не надо чтить таких родителей, которые не понимают значения революции. О том, что половая жизнь — неотъемлемая часть боевого арсенала пролетариата, а выбор спутника жизни должен определяться классовой полезностью и т.д. (Залкинд, 1925).

Сейчас таких перегибов нет, принимаются определенные меры по поддержке молодых семей, и это, конечно, очень хорошо. Но практически вся развлекательная индустрия, печатная и видеопродукция, гляцевые журналы, соответствующие магазины и магазинчики, — все это работает на совершенно противоположное: на быструю и бездумную смену партнеров, на безопасный секс, а отнюдь не на создание и укрепление семьи, как учит православие. Хорошо еще, что из школ почти исчезли распространившиеся в 90-е годы курсы, которые читали наши самозванные зарубежные инструкторы и их российские помощники и которые дополняли развлекательную индустрию проповедями свободы и техники интимной жизни. И в том, что по крайней мере из школы это почти исчезло, — несомненная заслуга и многих родителей, и вас, уважаемые участники Рождественских чтений, и Министерства образования и науки.

Величайшая ценность, за которую Русская Православная Церковь всегда выступала, — это единство и целостность России. Этим исполняется давний завет Иисуса Христа, который говорил, что «если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот» (Мк. 3, 24—25). Через две тысячи лет Его Святейшество Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II заверил народ российский, что «Русская Православная Церковь была и будет оставаться силой, способствующей становлению национального духа России, созидающей ее духовную культуру, заботящейся о ее единстве и целостности» (Собиратель..., 2001, с. 2). Сейчас, правда, с учетом нового самостояния России сепаратистские тенденции нам угрожают меньше, чем в начале 90-х, но желающие к ним вернуться не перевелись.

Православная Церковь всегда поддерживала ценности патриотизма, любви к Родине. Понятно, что в этом нет никакого противоречия с ее вселенскими устремлениями, поскольку в земной жизни человек так или иначе всегда связан с землей своих предков, со своей Родиной. Для Церкви чуждо понимание, что для человека Ро-

дина там, где ему сытнее. И история нашего Отечества дает многочисленные примеры того, как пастыри Церкви наставляли свою паству на мужественную борьбу с врагами в годину военных испытаний, а подчас и сами принимали мученическую смерть. Вера помогала преодолевать тяжкие испытания, укрепляла народный дух, помогала отделять важное от суетного, зерна от плевел. И каждый такой пример приближал российских патриотов к тому, чтобы понять православие как судьбоносный выбор нашей Родины.

В смутные времена начала XVII века Патриарх Гермоген, призывая народ российский к сопротивлению иноземным захватчикам, говорил: «Если велики волны и грозна буря, не бойся гибели, ибо на камне правды и веры стоим. Пусть пенится и беснуется море, оно не может потопить корабля Иисусова!» (Мысли..., 1999, с.39). Он скончался мученической смертью 17 февраля 1612 года, но не написал грамоту Минину и Пожарскому об отступлении от Москвы, чего требовали враги России. 7 ноября 1941 года после военного парада на Красной площади в церквях состоялся молебен. А в сентябре 1943 года на архиерейском Соборе митрополит Алексий сделал доклад «Долг христианина перед Церковью и Родиной в эпоху Отечественной войны». История напоминает нам, что в те годы и светская атеистическая власть понимала великую патриотическую и воспитательную роль Церкви, огромное значение патриотического воспитания для достижения Победы.

Сейчас Российская академия образования вместе с Российской академией наук занимается экспертизой учебников, а теперь займется и экспертизой учебных пособий для школ. И я рад сообщить, что патриотическая сторона в учебниках по гуманитарным дисциплинам, особенно по отечественной истории, представлена все лучше. Вообще должен сказать, что если по ряду вопросов совсем недавно приходилось говорить прежде всего о проблемах и всяческих неприятностях, то сейчас есть все основания говорить и о продвижении, о достигнутых соглашениях и решениях. В частности, я бы отнес сюда недавно прошедшую конференцию в Калуге, а также встречу в Министерстве образования и науки Российской Федерации, на которой был дан новый импульс разработке духовно-нравственной стороны содержания школьного образования. При этом участвовали представители всех основных религий и конфессий России, и теперь эта работа будет в основном вестись в Российской академии образования.

Еще одна ценность православного вероисповедания — это ценность мира, понимаемого в самом широком смысле. На прошлой неделе мы отмечали 65-летнюю годовщину прорыва и снятия блокады Ленинграда. Напомню, что в июле 1941 года митрополит Ленинградский Алексий, будущий Патриарх Алексий I, обратился к верующим с посланием «Церковь зовет к защите Родины». Митрополит говорил тогда: «Мы верим, что и теперь великий предстатель за землю русскую преподобный Сергей Радонежский простирает свою помощь и благословение русским воинам. И эта вера дает нам неиссякаемые силы для упорной и неустанной борьбы» (Мысли, с. 345). И я, вспоминая свои детские переживания в годы войны и ленинградской блокады, вспомнил и о том, как потом многие годы подряд за семейными застольями никогда не забывали поднять тост за то, чтобы не было войны.

Сейчас таких тостов не поднимают, поскольку реальной угрозы большой войны нет. Но в мире — по данным ЮНЕСКО — идет сейчас более двадцати войн разного масштаба, и в нашей стране есть так называемые горячие точки, а самое главное, далеко не у всех мир в душе. Причин тому много. Немало людей испытывают материальные трудности, неуверенность в будущем. Но есть и причины другого свойства. Мысленно представьте себе репертуар кино, программы телевидения, типичный набор продаваемых теперь весьма широко видеофильмов, вспомните книжные развалы. И чувства оказываются весьма противоречивыми.

С одной стороны, прекрасно, что нет идеологических табу, что люди ищут и находят практически любую информацию — печатную, аудио и видео. С другой стороны, несоразмерно большая часть этой продукции по-прежнему низкопробна, перенасыщена насилием и смакованием подробностей интимной жизни, всяческих скандалов и чрезвычайных ситуаций. Вспомните, что появились даже специальные передачи, где ЧП и скандалы собраны вместе, собраны именно и только они, чтобы воспитанные теперь уже на этой продукции зрители могли смотреть только это, не тратя время на такие пустяки, как новости и высокую классику. Обратите внимание также на постоянный рост литературы и видеоматериалов детек-

тивной направленности. В результате потребления такой продукции у человека складывается впечатление, что в мире творятся сплошные преступления, жизнь складывается в основном из разного рода ЧП. Какой уж там мир в душе!

Готовясь к этим Чтениям, я сначала хотел предложить показать презентацию, где интересные примеры такой продукции, собранные разными людьми, прежде всего моими студентами, могли бы быть показаны в качестве иллюстрации этой мысли. Но потом понял — нет, показывать такое нельзя не только на Рождественских чтениях, но часто даже просто в пристойном обществе, хотя обычно по формальным показателям этот материал не включает ненормативной лексики.

Мы иногда возмущаемся, что за рубежом плохо, совсем не бережно, а иногда и кощунственно интерпретируют русскую классику. Да, действительно, безобразие, когда в немецкой постановке оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» причиной конфликта оказывается противоестественное влечение Онегина к Ленскому, есть и соответствующая сцена. Но давайте взглянем самокритично на себя. Эта «замечательная» постановка имела место в конце прошлого года. Но еще за несколько лет до этого — и на Рождественских чтениях того года я об этом говорил — из постановки в Мариинском театре города Санкт-Петербурга балета С. Прокофьева «Золушка» мы узнали, что, оказывается, Золушка была из семьи алкоголиков, что безутешного принца, который искал свою возлюбленную Золушку, пытались увлечь (я здесь осторожно использую выражения) не только другие девушки, но и юноши с соответствующими жестами. Примерно в те же времена в одной из наших новогодних программ телевидения я получил сведения, что Дед Мороз женился на Снегурочке. Я не могу это рассматривать иначе как намеренное, если не злонамеренное, унижение нашего национального достоинства, издевательство над ним. Так что, видя подобное за рубежом, неплохо посмотреть в зеркало и на себя.

В этом смысле Церковь, ее учение и практика дает нам пример высокой культуры, показывают естественный путь к определенной самооценке с позиций нравственности, помогает обрести спокойствие, уверенность и мир в душе. Если вспомнить самые истоки христианского учения, в то время еще единого, то достаточно будет одной цитаты: «Бла-

женны миротворцы» — сказано в Нагорной проповеди Христа (Матф. 5, 9). «О богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея» молятся православные христиане в церкви. В первых строках великой ектении христиане четыре раза и в разных, но близких значениях упоминают мир: миром молятся о свышнем мире, о мире всего мира и соединении всех. Священник не раз обращается к пастве со словами «Мир всем!» (Православный толковый..., 1907, с. 216).

Да, на самом деле, все учение Православной Церкви, учение о вере, надежде, любви есть учение о мире, о мире и любви между всеми людьми. Между прочим, и в Ветхом Завете о любви к ближнему сказано достаточно четко. Я цитирую из главы «Левит»: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя» (Левит, 19, 18). Казалось бы, сказано точно, как в Новом Завете. Но совершенно ясно, что говорится именно о «сынах народа твоего». В Новом Завете, в христианском учении этого ограничения нет, при всех понятных трудностях стремления к всеобщей любви именно она имеется в виду.

Хочется к этому добавить, что в христианском учении гораздо меньшее внимание, чем в Ветхом Завете, уделяется обличению пороков, гораздо большее — тому, что в педагогическом смысле мы бы назвали опорой на положительное. Да, Христос не раз говорит о роде человеческом как роде лукавом и неверном, но вспомните то, как, в каких словах обличают неправды и грехи ветхозаветные пророки. И сравните это с призывом Христа: «Не судите, да не судимы будете» (Матф. 7, 1).

Недавно в Совете Федерации еще раз обсуждалась возможность создания Общественного совета по средствам массовой информации. Но препятствия с разных сторон чинятся большие, и отнюдь не по соображениям свободы информации. На упомянутой выше видеопроодукции совсем не мирного свойства делаются большие деньги. Я уверен все же, что подобный совет будет когда-то создан, и что представители нашей Церкви будут играть там самую конструктивную роль.

Конечно, и здесь есть определенная проблема. В нашей такой непростой жизни нужны и развлечения, нужно, чтобы у людей была возможность расслабиться, словом, нужна не только высокая классика, нужен и легкий жанр. Но Церковь и не предъявляет к нам, обычным грешным людям, таких требований, какие налагают на себя святые и подвижники. Мы всегда пом-

ним, что Господь будет нас судить не только по грехам нашим, но и по милосердию Своему. Однако, определяя приоритеты, думая о перспективах духовно-нравственного развития страны и общества, мы не можем не вспоминать ценности православия.

В заключение я бы хотел затронуть вот какую проблему. Ведь патриотизм, бескорыстную любовь к человеку, даже жертвенность, да и многие другие высокие нравственные качества проявляют и люди неверующие. Это известно из истории, это знает каждый по жизни многих своих близких. И все же позиция бескомпромиссного материализма мне не близка. Если, как он учит, все для человека заканчивается с концом его физической земной жизни, не скажу «для всех», но для очень многих подлинная духовность окажется невозможной. Надо побольше урвать здесь и сейчас, а для этого могут быть хороши все средства. Для других же непреодолимыми, всеподавляющими оказываются разного рода лишения и бедствия, которых в жизни всегда немало, особенно же много в переходные периоды развития страны. Для человека верующего всегда есть надежда, он помнит, что отчаяние несовместимо с верою, что оно прямо осуждается Церковью.

Недавняя статистика показала, что в нашей стране больше мобильных телефонов на душу населения, чем в большинстве развитых стран, а по темпам роста мобильной связи мы практически обогнали всех. Мы опережаем большинство развитых стран и по темпам компьютеризации, что лет пять назад просто невозможно было себе представить. Этому нельзя не радоваться, это — не гордыня, осуждаемая Церковью, а понимание того, что сделаны важные шаги, нужные практически всем людям. Но, отмечая это все, да и некоторые другие наши достижения последних лет, я бы хотел радоваться и тому, что наша Родина опережала бы все другие страны и по уровню духовности и нравственности. Ведь, как писал поэт,

**Все прогрессы реакционны,
Если рушится человек!**

Пока это — лишь надежда, хотя очень многое уже делается, в том числе и Рождественскими чтениями, в которых мы с вами имеем честь и радость участвовать.

Давайте и дальше работать вместе на это в полном смысле слова великое дело. Надежной опорой для нас являются русское православие и Русская Православная Церковь.